

Оксана Ризнич

СМЕРТОНОСНЫЙ ЦВЕТОК

Черный остров

Оксана Ризнич

Смертоносный цветок

«Геликон Плюс»

2015

УДК 833.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)44

Ризнич О. И.

Смертоносный цветок / О. И. Ризнич — «Геликон Плюс»,
2015 — (Черный остров)

ISBN 978-5-9906596-2-9

Первая книга авторской серии «Чёрный остров». В XII веке в руки Томоэ, соратницы погибшего в бою сёгуна Мацумото, попадают айнские артефакты – три книги, по преданию написанные айнскими богами ещё до времен, когда народ айну сошёл с небес на землю. Следы этой истории ведут в наше время на остров Кунашир – предмет территориальных претензий Японии. Группа туристов прибывает на остров. В течение недели погибают трое из прибывших, перед смертью каждый видел женщину в кимоно. Видение это или реальность? Были туристы убиты или, по стечению обстоятельств, скончались от естественных причин?

УДК 833.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)44

ISBN 978-5-9906596-2-9

© Ризнич О. И., 2015
© Геликон Плюс, 2015

Содержание

От автора	6
Часть 1	7
Часть 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Оксана Ризнич

Смертоносный цветок

*Издание выпущено при поддержке отдела культуры муниципального образования
«Южно-Курильский городской округ»*

© Ризнич О. И., текст, 2015

© Геликон Плюс, оформление, 2016

* * *

От автора

Некоторые названия могут иметь значение для понимания специфики курильской жизни и потому используются. Упоминание их в тексте не является рекламой.

Автор не стремится придерживаться действительности, исторических и географических фактов, хотя и опирается на них.

Всё, что автор считает необходимым пояснить, а также просто интересным, отмечено в сносках.

Все события и характеры вымышлены. Все совпадения случайны.

А теперь пристегните ремни и запомните, что спасательные жилеты находятся под вашими креслами, наш самолёт отправляется на остров Кунашир – самый южный в Курильской гряде...

Часть 1

Мой приют одинокий¹

По воле недобрых сил мой господин, сэйи-тайсёгун² Мацумото но Итиро, отнял у диких эдзо³, звавших себя словом «айну», их священные книги (тому способствовали и сами эдзо, коих много набрал он в свою армию). Книги писались ещё до времен, когда народ айну сошёл с небес на землю и разделился на эмиси – воинов и земледельцев и кувэй⁴ – охотников и мореплавателей. Позже с юга пришли «дети солнца», объединились в государство Яматай, а «сошедших с небес», не желавших подчиниться яматайцам, стали звать варварами. Но злые языки говорят, что и основателем империи Яматай на самом деле был айну – принц Пикопоподэми. Должно быть, поэтому принц, хоть и придавал значение священным текстам, всё же не прельстился ими, и книги оставались у айнских старейшин, пока не проведал о том великий сёгун.

Итиро хотел овладеть древними знаниями для укрепления своей власти, но священные книги не помогли ему уберечься от интриг двоюродного брата Дзиро. Зависть Дзиро стала причиной междуусобной войны, и после нескольких сражений враги принудили Итиро прятаться в роще, что неподалёку от реки Фурукава. Всего трое оставалось нас, верных преследуемому сёгуну, и, понимая безнадёжность положения, господин гнал меня прочь: «Ты – женщина, так беги! А то люди будут смеяться, что Итиро в предсмертный час прятался за женскую спину!»

В обиде я поскакала врагам навстречу: пусть никто не упрекнёт моего господина и его вассалов в трусости! И слетело с плеч немало голов, прежде чем рука моя, качнув повод, направила коня прочь от поля битвы⁵.

Зимний ветер понёсся вдогонку, цеплялся, причитая, за кожу доспехов, надрывным свистом полз под шлем ближе к уху, но так и не заставил меня обернуться. Не видела я, как упало на землю тело моего господина, но донёс безжалостно ветер последний шёпот, слетевший с губ его: «Беги, Томоэ-годзэн...»

Обнаружив после смерти Итиро священные книги, брат его Дзиро возомнил, что может стать равным императору, воплощающему бога на земле, или даже самим богом. Угрожая применить тайные знания, будто бы уже открытые им в священных книгах, он потребовал у императора титул сёгуна и, получив желаемое, в скором времени начал почти единолично править всей страной. Но вскоре, как говаривали, что-то нашло на Дзиро: он отказался от титула и, построив в горах хижину, удалился в неё, взяв с собой и эдзоские фолианты.

Весенним вечером Дзиро сидел подле зажжённого светильника, листая первую из таинственных книг. Бывший сёгун посматривал в окно, сквозь которое проникал тонкий, как пред-

¹ В некоторых заголовках перефразированные строки Сайгё (яп. поэт XII в.). (Здесь и далее примечания автора.)

² «Карающий варваров великий генерал» (яп.).

³ Эдзо – «креветковые варвары», «волосатые люди» – так японцы называли айну, позднее так стал именоваться остров Хоккайдо.

⁴ «Эмиси» и «кувэй» – слова, которыми часто именуют протоайнские племена. На самом деле эти слова прямого отношения к айнам не имеют: «эмиси» – так предки нынешних японцев называли всех людей, независимо от того, к какой народности они относились, а «кувэй» – искаженное китайское «квэ» или «кувэ», что тоже в сущности значит «люди»: так древние китайцы называли японцев и прочих некуитайцев (со слов доктора археологии, профессора Усиро Хириси). Поэтому автор позволяет себе очень вольно обращаться с этими наименованиями.

⁵ В японской истории бесчисленное количество женщин вынуждено было братья за оружие. Память о некоторых оннабугэйся (женщина-воин) осталась в веках. Помимо того что славилась красотой, они были искусными лучницами, а в бою на мечах, по свидетельствам японских хроник, могли противостоять сотне воинов. Они готовы были биться даже с демоном или богом, укрощали необъезженных лошадей, невредимыми спускались с крутых горных откосов. Экипированные отличной бронёй, вооружённые тяжёлым мечом и мощным луком, они совершали множество доблестных деяний.

чувствие, аромат цветущих деревьев. И подчиняясь разлитому в воздухе ожиданию, произнёс Дзиро: «Приди же скорей в мой приют одинокий! Сливы в полном цвету. Ради такого случая и чужой навестил бы...»⁶

Тогда я отодвинула сёдзи⁷ и вошла.

Дзиро схватился за меч, но не успел и двинуться в мою сторону, как его голова покатилась по полу. Так я отомстила за своего господина, а книги попали ко мне.

Долгой была после этого моя дорога – я ехала в земли Эдзочи⁸. Никто не будет искать Томоэ-годзэн среди эмиси и кувэй. Никто вообще не будет меня искать: я слышала на рынке, как люди судачили о битве на берегах Фурукавы и о том, что наши с Итиро головы стали украшением для пик самураев из клана Миура. Но убийцу Дзиро искать будут.

Без приключений я добралась до самого севера Эдзочи, где в долине Сяри, густо поросшей тростником, жили эмиси. Не желая показываться даже этим диким людям, я обошла их котан⁹ и двинулась в горы. Скоро мне подвернулась вросшая в землю хижина, похожая на ту, в которой окончилась жизнь вероломного Дзиро. Воспоминание об этом событии не грело мне сердце исполненной мстостью, а пробуждало в нём только печаль о моём любимом господине, но выбирать не приходилось. Мой лук оставался со мной, и меч тоже – я носила его спрятанным в складках одежды так, что ни одна душа не могла заметить, но при необходимости я бы выхватила его немедля и покончила с противником. Лес вокруг хижины изобилдовал дичью, и первое время только охота была для меня источником пищи. Миновали два полнолуния, прежде чем я решилась спуститься в Сяри. Там нашла старика, который за скромную плату согласился тайно приносить в мою хижину рыбу и рис.

Не было смысла читать первую книгу – ту, что успел открыть Дзиро. Эта книга не спасла его от смерти, вот почему я сразу принялась за вторую. Священная книга сопротивлялась, и я не замечала течения времени, стремясь разгадать тайнопись прародителей айну. Не один старик поменялся из тех, что носили мне рыбу. Не одно одеяние из тех, в которые я облачалась, превратилось в тряпье. Деревня в предгорье то становилась совсем безлюдной, то разрасталась до размеров небольшого города, то делилась на несколько селений. Как-то мне пришлось нанять мальчика – сына одинокой бедной женщины. Он долго служил мне. Его голос постепенно менялся, из звонкого детского превращаясь сначала в ломкий голос подростка, потом – в сильный голос взрослого мужчины, но я не обращала на это никакого внимания и никогда не смотрела ему в лицо – так была поглощена разбором рукописи, где каждый знак мне давался с огромным трудом. Мальчик стучал в дверь, называл своё имя, я разрешала ему войти и поставить корзину в раз и навсегда указанном месте.

Однажды он, как обычно, постучал и окликнул меня. Голос его показался слишком хриплым и как будто больным. Тогда я сочла необходимым узнать, что с ним – мне не нужны были хвори, которые мальчик мог принести из деревни.

Седой сторбленный старик глядел на меня выцветшими глазами.

– Кто ты?

– Я Хагука, госпожа, тот, который уже много лет приносит вам еду.

– Но ты старик, а я нанимала мальчика...

Хагука вздохнул, его сандалии прошаркали по полу, и корзина с едой водрузилась на привычное место.

⁶ Сайгё.

⁷ Перегородка, раздвижная дверь (яп.).

⁸ «Родина айнов», Хоккайдо (яп.).

⁹ Селение (айнск.).

– Да, госпожа, я состарился и скоро умру. Поскольку жизнь моя почти прошла и мне уже ничего не приходится бояться, скажите: почему вы не стареете? Почти всю мою жизнь я прихожу сюда и вижу вас такой, какой вы были в тот самый первый день, когда мы встретились.

– И что же ты думаешь обо всем этом, Хагука? – спросила я его.

– Думаю, что вы – оборотень, – ответил Хагука и опустил глаза. Всё-таки ему было страшно.

– Я скажу тебе моё имя, старик. Но поклянись, что ни одна душа не узнает о моей тайне.

Хагука поклялся, и я открыла ему правду о моём происхождении. Когда я рассказывала о событиях, произошедших подле Фурукавы, слёзы невольно навернулись мне на глаза. Окончив рассказ, я велела ему уходить и молчать об услышанном.

После разговора со стариком я задумалась: правда ли бег времени не коснулся меня? Найдя в лесу стоячую воду, скопившуюся после дождя в небольшой впадине, я склонилась над ней. Отражение в воде было таким же молодым, как в тот день, когда я впервые осознала свою женскую привлекательность. Чтобы сосчитать годы, проведённые в лесной хижине, я долго записывала имена тех, кто носил мне пищу, и путём утомительных подсчётов пришла к выводу, что минуло более пяти веков.

Старик не сдержал слова, и в окрестных селениях пошли разговоры, что в горах живет кицунэ¹⁰. Меня это не беспокоило, потому что корзины с едой неизменно появлялись в положенный срок. К тому времени я разобрала почти все знаки в книге.

Моя хижина была уже в столь плачевном состоянии, что дождь местами беспрепятственно проникал сквозь крышу. Однажды я открыла двери, чтобы сквозняк высушил воду, скопившуюся на полу, и задержалась посмотреть, как лепестки осыпаются с дикой сливы прямо к порогу. Откуда-то прилетела трясогузка¹¹ и пробежала по камням прямо передо мной. Сладко заныло сердце, предчувствуя перемены.

Но весна прошла без значительных событий, за ней – лето, и осень тоже пролетела, как будто не было. Наступила зима.

В одну из ночей, когда метель разыгралась особенно сильно и ветхие стены моей хижины сотрясались от ветра так, что казалось – вот-вот обрушатся, шум послышался мне снаружи. Открыв дверь, я увидела лежащего в сугробе человека. Он совсем замёрз, даже снег на лице не таял. Его правая рука протянулась вперёд в стремлении нащупать порог, и пальцы чуть шевельнулись, когда я его окликнула. Что было делать? Я втащила его в дом.

Заблудившийся путник был молод и красив. Сердце моё, которое вот уже несколько столетий билось спокойно и твёрдо, дрогнуло. Три дня он горел в лихорадке, а я шептала над ним все известные мне молитвы. Наконец он открыл глаза.

Когда Хагука добрался до моей хижины сквозь снега, я распорядилась впредь приносить вдвое больше еды, а ещё мне понадобилось сакэ: ничто так не спасает от простуды, как этот напиток, подогретый и выпитый на ночь.

Путник шёл на поправку быстро, и скоро я уже знала его имя – Саито. Он по сто раз на дню благодарил меня за спасение, а когда я сказала, что не стоит это благодарности, стал осыпать меня комплиментами и расточать похвалы моей красоте. Долгое одиночество, должно быть, упало повязкой безумия мне на глаза. Я радовалась каждому слову Саито, и сердце моё пело, будто жаворонок, поднявшийся в небо над песком побережья. Довольно быстро от жарких слов Саито перешёл к не менее горячим ласкам. Когда он брал меня за руки, казалось,

¹⁰ В японской мифологии – лиса-оборотень, может превращаться в людей (как в мужчин, так и в женщин), наводить морок и создавать иллюзии, неотличимые от реальности, может входить в сны. Подчиняет себе людей, заставляя их поступать так, как заблагорассудится кицунэ. Часто изображается соблазнительницей, доводящей мужчин до смерти. Иногда считается, что кицунэ питается жизненной или духовной силой людей.

¹¹ Трясогузка у айнов – покровительница влюблённых.

что само солнце спустилось с неба в мои ладони и греет их, а когда он обнимал меня, я даже забывала дышать.

Безмятежно и беззаботно мы предавались любви несколько недель. Но время шло, снег выпадал всё реже, и с появлением первых ручьёв Саито стал проситься домой.

– Почему тебе непременно надо уйти? – спрашивала я его снова и снова.

И он нашёл ответ, возразить на который было нечем:

– Мои родственники, должно быть, считают меня погибшим, я должен обрадовать их тем, что жив.

В ту ночь я совсем не спала, да и можно ли уснуть, когда любимый решил оставить меня?! До самого рассвета я всматривалась в черты дорогого лица, как будто хотела впечатать их в память. Когда ресницы его затрепетали, а тело утратило неподвижность глубокого сна, я опустила голову на подушку и притворилась спящей. Глаза мои были прикрыты, дыхание – притворно спокойным, в мыслях же я готовилась к минуте прощания. Но Саито, собравшись украдкой, выскользнул за дверь, и наступила тишина. Спешно я выбежала вслед, но он уже скрылся за деревьями.

Долго я тосковала о любимом и ждала его возвращения. Но уже и лето подошло к концу, а Саито всё не возвращался.

От тоски я как-то даже разговорилась с Хагукой. Пряча глаза, старик рассказал, о чём говорят на рыбном рынке. Будто бы некий человек по имени Саито был заморожен кицунэ и пропал на всю зиму. Долгое время родные ничего не знали о нём и уже отчаялись увидеть его живым. Случайно Саито сбежал от кицунэ, когда та спала, но долго ещё был не в себе. Теперь Саито везде похваляется, как ему удалось провести оборотня. Также рассказал мне Хагука, что будто бы Саито собирается жениться на самой красивой девушке из самой богатой семьи в округе. А ещё рассказал Хагука, будто бы люди, сочувствующие Саито, с которым приключилась такая печальная история, собираются пойти в горы и убить кицунэ.

Пока Хагука не ушёл, я хранила молчание и лицо моё было непроницаемым. Но после...

Будто ветер снёс с лица земли старую лесную хижину.

Несколько женщин плавно двигаются вокруг красавицы Нацуми Такихиро. Вот уже несколько часов её одевают и причёсывают. Напудренное лицо девушки становится белее цвета свадебного кимоно, и цуокакуси¹² торжественно повязывают ей вокруг головы.

Нацуми три ночи «тайком» впускала Саито к себе в комнату, и сегодня он наконец вышел к её родным с деланно виноватым видом. Родственники, будто случайно пришедшие к ним завтракать, сурово хмурили брови и сокрушённо кивали: что ж, раз уж так вышло, ничего не поделаешь, придётся обмениваться поясами¹³. И впрямь могло показаться со стороны, что они не участвовали в переговорах о заключении брака, выгодного обоим кланам.

И вот жених за перегородкой кормит хитро поглядывающую родню принесённой ещё с вечера снедью, в который уже раз переливается через край чашек сакэ, и речь гостей становится всё громче и бессвязней. Все это время Нацуми готовится покинуть родительский кров. Наконец хакосэко¹⁴ вталкивают с правой стороны под оби¹⁵, и Нацуми предстаёт перед женихом. Молодые символически меняются поясами, родственники, шумя и радуясь, провожают их до повозки, и супружеская чета отправляется в дом семьи Саито.

¹² В японском традиционном костюме – головной убор невесты, косынка белого цвета на красной подкладке, которую в виде шапочки повязывают поверх традиционной причёски.

¹³ Средневековая церемония вступления в брак в Японии была довольно простой и не включала в себя ни обмена подарками, ни дорогих одеяний, ни хождений в храм.

¹⁴ Маленькая сумочка-кошелёк, которых у невесты может быть несколько, в них при ней может оказаться кинжал и даже яд (яп.).

¹⁵ Широкий пояс (яп.).

Там вокруг Нацуми вновь начинается суета: надо сменить свадебное кимоно на простое и накормить с утра не евшую невесту. Саито, уставшего от обязанностей жениха и мужа, отправляют в сад.

В саду неподвижный воздух глушит звуки, лишь в кронах деревьев едва трогает листья слабеющий ветер. В тягучем покое, залитом послеполуденным солнцем, голоса, пробившись сквозь бумажные стены, кажутся резкими криками чаек.

– Зачем ты оставил меня, Саито? – доносятся вдруг слова, сказанные так тихо, что молодой решил, будто ему послышалось. Однако беспокойство закрадывается в душу, потому что Саито узнал голос. Но та, что могла произнести слова упрёка, должна быть сейчас далеко. Подумав так, самурай устыдился своего страха и решил обойти вокруг дома, чтобы убедиться, что и впрямь здесь никого нет.

Он прошёл между рядами деревьев гингко, сыплющих под ноги солнечно-жёлтые листья; песчаная дорожка пересекала аллею, маня к пруду, и ноги сами свернули на неё. Старая черепаха, заслышав шаги, высунула нос из воды в ожидании крошек, да так и не дождавшись, поплыла к ближайшей кормушке. У самого берега медленно шевелили плавниками толстые карпы. Саито отвёл рукой свисающие до земли ветви ивы и увидел спину юной жены: Нацуми, склонившись низко к воде, с ладони кормила карпов. Смутная тревога охватила Саито при виде белого кимоно, на котором танцевали вышитые золотыми нитями журавли, и он протянул руку, желая коснуться плеча Нацуми.

– Как мог ты оставить меня? – услышал он вновь, и я повернулась к нему лицом.

Вздрыгнул молодой самурай, и краска стыда и гнева залила его щёки.

– Кицунэ?! Как ты посмела прийти сюда?!

– Я так любила тебя, Саито, – тихо сказала я, глядя изменнику прямо в глаза.

– Э... – протянул он, не зная, что ответить. – Я должен был...

– Мне так жаль, Саито, так жаль... Мы могли бы быть счастливы вместе. Я ждала тебя, но ты не вернулся.

От неожиданности и удивления Саито не мог двинуться с места. Я обняла его в последний раз, а когда отпустила, безжизненное тело мешком свалилось на траву с перерезанным горлом.

– Я не кицунэ! – крикнула я мертвецу, и он уже не мог поспорить со мной.

Сев на траву, я подтащила к себе Саито, положив его головой на свои колени. Долго смотрела я на бывшего возлюбленного, не замечая, что моё кимоно насквозь пропитывается кровью.

Лёгкий вскрик раздался позади, и я вмиг вспомнила о том, что Саито вполне заслужил свою смерть.

– Бедная Нацуми... Где твой хакосэко со спрятанным в нем кайкэном¹⁶? Сейчас он был бы кстати.

Но вмиг ставшая вдовой соперница с испугом смотрела на тело Саито и, кажется, даже не замечала моего присутствия...

Нацуми нашли лежащей в глубоком обмороке неподалёку от Саито. Её домашнее одеяние было сплошь засыпано тёмными, как свернувшаяся кровь, кленовыми листьями.

За мной устроили охоту. Клан Такихиро назначил большое вознаграждение тому, кто принесёт мою голову.

Дважды попав в засаду и с трудом отбившись от охотников за оборотнями, я решила, что пора убраться отсюда куда подальше. И мне пришла мысль о тех островах к северу от Эдзочи, куда уходили от самураев племена кувэй.

По счастью, перевал Сиретоко ещё не засыпал глубокий снег. Перебравшись через горы, я купила лодку у старого рыбака в прибрежном селении и отправилась через пролив – там,

¹⁶ Небольшой кинжал (яп.).

на горизонте, виднелась земля айну, ещё не покорённых кланом Мацумаэ и не знавших ни правды о Томоэ-годзэн, ни сплетен о кицунэ Томоэ.

Северный остров оказался мрачным и необжитым, но я почувствовала себя в безопасности. В горах Сиретоко заморозки ранние, а на новом месте осень радовала тёплыми ночами. Непуганые зайцы легко попадали в петли, а в мелкие реки стадами шёл лосось, и рыбину можно было без труда выхватить из воды рукой.

Я не решалась выходить к людям, населявшим остров, и жила одна, наблюдая за ними исподтишка. Дикари, звавшие себя словом «куру»¹⁷, почти не строили настоящих домов – чаще землянки, крытые тростником. Они жили маленькой дружной общиной, охотились, били морского зверя, коптили рыбу. Их лохматые мужчины, чьи лица заросли нечёсаными бородами, были отчаянными и сильными, – охота на лесного и морского зверя занимала большую часть их дня. Женщины коптили рыбу, собирали съедобные травы, плели циновки и нянчили детей. Взрослые дикарки украшали лица татуировками вокруг губ, отчего безобразная улыбка растягивалась до самых ушей.

Скоро я уподобилась диким эдзо: остриженные до плеч волосы свободно висели, как у их женщин, а домом мне служила землянка, будто и впрямь я была лисой.

Когда сосульки повисли на южной стороне высокой ёлки, боги дали мне дочь – плод умершей любви.

Что мне было делать с этим ребёнком? Ночью я положила её в корзину и отнесла в ближайший котан айну. Там, у жилища старейшины, моя ноша и осталась. Последний раз посмотрела я на дитя, чертами лица напоминавшее Саито, и ушла. Снежные хлопья, будто холодные бабочки, слетались в корзину из глубин чёрного неба. Детский крик раздался в ночи, откинулся полог землянки, и куру забрали себе мою дочь.

¹⁷ Люди (айнск.).

Часть 2

Чёрный остров¹⁸

Глава 1

АН-24 шёл на третий круг¹⁹ над островом. Точнее, над тем местом, где остров должен быть. Пассажиры заметно нервничали.

– Да обычное это дело! Сколько раз так случалось: покружим-покружим – и назад, на Сахалин. Я лично не удивлюсь... – чему не удивится толстый мужик в правом ряду, Ким Динх Ван, больше известный как Виталик Ким²⁰, уже не слышал, уши от резкого перепада высоты заложило. Облачность разорвалась, самолёт нырнул вниз, как в колодец, и через пять минут посадочная полоса аэропорта Менделеево приняла на себя вес грузно подпрыгнувшей на бетоне «аннушки». Виталик зажал нос пальцами и, следуя совету знакомого водолаза, «выдохнул» через уши. Со второй попытки слух удалось вернуть. Он деловито пересчитал четыре головы своих подопечных и, заглянув за спинку впереди стоящего кресла, учёл пятую. Дверь открылась, пограничник проверил²¹ у прибывших документы, и пассажиры потянулись к выходу.

Они сгрудились на взлётной полосе: Изуми Оогума – крошечная японка, Костик Ива-ницкий – ладно скроенный парень с невыразительным, блёклым лицом, Геша Непочуйко – поджарый суетливый брюнет, бизнесмен Ашот Алмазян и Сергей Семёнович – тучный муж-чина из Мытищ.

Взгляд Виталика скользнул по их лицам, и улыбка чуть тронула губы: он знал, какое впечатление производит Кунашир на туристов. Все считают, что едут на юг, а попадают... «Широта крымская, да долгота колымская», – посмеиваются в таких случаях курильчане.

Неприветливое небо нависало так низко, что ключья облаков цепляли хвост самолёта. Шуба тумана пыталась переползти через круто вздымавшийся конус кратера: Менделеевский вулкан, задерживая наплыв морозящих воздушных масс, создавал у подножия кратера то самое «окно»²², в которое отчаянный лётчик увидел аэродром и в считанные минуты посадил самолёт.

Порыв ветра чуть не сдёрнул с головы Костика синюю кепку с надписью Russia, он удив-лённо присвистнул, успев ухватиться за козырёк.

Ашот оглядывался вокруг с таким видом, будто вообще не планировал оказаться в столь странном, даже диком месте, и его недовольно поджатые губы сплющивались, пока не превра-тились в тонкую ломаную линию.

– Идём, – позвал их Виталик и двинулся к одинокому, обитому вагонкой зданию на бам-буковом поле. Рулёжка²³ глухо звякнула под ногами.

¹⁸ Название острова Кунашир переводится с айнского как «чёрная земля».

¹⁹ Когда остров закрыт низкой облачностью, самолёт кружится по периметру острова в ожидании просвета над аэропортом, в который можно нырнуть и совершить посадку. Часто, без толку покружившись, так и улетает назад на Сахалин.

²⁰ По данным последней переписи корейцы на Сахалине составляют почти 5 % населения. Появление первых корейцев на Сахалине относится к 70–80-м гг. XIX в. Упоминание о них встречается в путевых заметках А. П. Чехова. С 1939 г. началась тотальная трудовая мобилизация корейцев в Японию и на Сахалин, вербовка молодых корейских рабочих на работу в уголь-ных шахтах Сахалина. Внешне миграция по вербовке выглядела добровольной, но по существу носила добровольно-прину-дительный характер. // Ким Герман. Корейцы на Сахалине.

²¹ В пограничной зоне документы прибывших проверяют прямо в самолёте.

²² Просвет в облаках или тумане.

²³ Железные полосы, использовались раньше как аэродромное покрытие.

На выходе с лётного поля, у металлических ворот, толпились встречающие. Моложавая женщина, одной рукой подняв табличку с надписью «Курило-японский центр»²⁴, другой поправляла на голове повязку с белым орнаментом.

– Айна²⁵, мы здесь, – приветственно махнул ей Виталик.

Изуми показала пальцем на повязку:

– В Японии тоже такие носят, в некоторых культурных центрах.

Приехал багаж на маленьком зелёном грузовичке. Пассажиры, обступив машину, тянули руки через невысокие борта и ворошили вещи, выискивая свои. Усатый водитель запрыгнул в кузов, с привычной быстротой начал подавать коробки и сумки в подставленные хозяйские руки. Последними на земле оказались шесть рюкзаков.

Видавший виды японский²⁶ микроавтобус петлял по непомерно широкой дороге между двух отдельно стоящих сопкок. То там то тут склоны уходили круто вниз от границы дорожного полотна.

– Посмотрите направо, – сказала обладательница замысловатой повязки, – вы видите фумарольное²⁷ поле вулкана Менделеева, а слева – тропа на Столбовские источники, по ней когда-то японцы спускали на побережье серу²⁸. А вот теперь посмотрите: контуры сопкок напоминают лежащую девушку, вот вздёрнутый носик, а вот линия груди, этот вулкан ещё называют спящей красавицей. Впереди по курсу – Тихий океан, а слева – Охотское море. Ширина острова в среднем около девяти километров и только в районе вулкана Тятя около сорока.

– А где Чёртов палец? – спросил Ашот.

– Там, – Айна махнула рукой за ближайшую сопку, вынырнувшую из серой мути.

– О, здесь солнце! – воскликнул Геша.

Но микроавтобус тут же снова въехал в стену тумана.

– Деревья прямо карликовые, – Ашот сморщил нос. – Это что, берёзы? Кусты какие-то!

– Да, не брянские леса, – усмехнулся Виталик.

Автобус натужно пытался карабкаться вверх, потом очередная сопка сталкивала его вниз, заставляя колёса вращаться быстрее, и, едва выровняв своё автомобильное дыхание, он снова полз на подъём. Грунтовая дорога вилась вдоль ржаво-красного русла широкой и мелкой речки. Туман тянулся полосами – то морозящими и непроглядными, то пронизанными солнцем, и дорога тоже была полосатой – то мокрой, то совсем сухой. На этих сухих участках пыль лезла во все щели и повисала в душном пространстве. От бесконечных поворотов, спусков, подъёмов пассажиров слегка укачало. Наконец дорога вывернула на берег, где призывно маячила стела с корабликом на верхушке. Они сфотографировались на фоне надписи «Южно-Курильск», но сам посёлок прятался в тумане на противоположной стороне открытой бухты: там, на голом длинном мысу, курильчане вьют барачного типа гнёзда.

Автобус проскочил мимо чахлого ельника, где меж стволов проглядывали полусгнившие деревянные столбики кладбищенских памятников, промчался вдоль болота и пустыря, мимо развалин, расположением намекавших на присутствие здесь в прошлом улиц, притормозив, перекатился через мост над тёмной протокой, отрезавшей сопку Длинную от заболочен-

²⁴ Такая организация действительно существует и занимается в основном обслуживанием делегаций в рамках безвизового обмена между жителями Курил и гражданами Японии.

²⁵ В моём детстве, прошедшем в Южно-Курильске, на соседней улице жила девочка – Айна Ш. Этимология имени расплывчата (тюркские, арабские, финские, японские корни), а само оно созвучно с айским именем Аяно (которое я изначально планировала дать этому персонажу).

²⁶ На островах в основном используются подержанными японскими автомобилями.

²⁷ Фумаролы – выходы горячего вулканического газа и пара в виде струй или спокойно парящих масс из трещин или каналов на поверхности вулкана.

²⁸ Сера шла на производства пороха и спичек.

ной низменности, и, преодолев крутой подъём, въехал в Южно-Курильск, затормозив в центре возле одноэтажного здания.

– Дом дружбы²⁹! – объявила Айна. – На входе надо снять уличную обувь и надеть тапочки, здесь – японский стиль.

Когда Геша снял кроссовки, оказалось, что носки не являются непременным атрибутом человеческого существования. Он смущённо наступил одной босой ногой на ковровое покрытие, а вторая так и осталась висеть в воздухе, не решаясь приземлиться.

– Кхм... – деликатно кашлянул Виталик. – Может, вам носки купить? Тут магазин за углом. А то мозоль можно натереть...

– А? Нет, не надо, – ответил Геша. – Я так привык.

Дежурная покосилась на Гешины ступни и выдала смущённому туристу тапочки, демонстративно протерев их дезинфицирующим раствором.

В четырёхместном номере не было ничего, кроме кроватей, встроенного шкафа и стола со стулом возле окна. Ашот провёл пальцем по столешнице, проверяя, нет ли пыли.

– Неужели я платил такие деньги за то, чтобы меня сунули в какую-то общагу? Где ванная? – удручённо уставился он на Айну. – Я хочу нормальный одноместный номер!

– Одноместных нет, это же японский стиль, – сладким голосом сказала Айна. – Но вы не беспокойтесь, в комнате вы будете жить совершенно один. Душевая вон туда по коридору, столовая слева от входа, жду вас там через тридцать минут.

– Я не хочу ходить по коридору в трусах, – крикнул Ашот ей вслед, – я хочу душ в номере! И я хочу ресторан, а не столовую!

– Ресторан через дорогу, – донеслось из коридора.

Через условленные полчаса все они разглядывали столовую, поделённую на две части: русскую, с обычного вида столами, и японскую – подиум, устланный циновками и уставленный низкими столиками. Куклы в цветных кимоно прикрывали веерами удивлённые лица, кокетливо прячась за причудливые икебаны и бонсаи.

Столовую зону от кухни отделяла полустена. Плотная занавеска над ней отодвинулась, и румяная, пышнотелая тётка шмякнула на стойку две тарелки:

– Подходим, забираем, приятного аппетита!

– Как это вам, а?! – возмущённо спросил Ашот.

Но Иваницкий уже взял тарелки и шёл к столу. Тётка бодро выкидывала на стойку тарелку за тарелкой, и вот уже и Изуми, и Сергей Семёнович, и Геша с Виталиком – все сидели за столом, покрытым белой клеёнкой, и уплетали за обе щеки наваристый борщ. Повариха поставила в центр стола горку котлет на большой тарелке и хрустальную вазочку, полную красной икры, веточки петрушки украсили картофельное пюре, и завершила композицию миска салата-оливье.

– У нас по-домашнему, – гордо сообщила повариха и уставилась на Ашота. – А ты чего стоишь, не голодный, что ли?

Ашот вздохнул и потянулся за своей порцией.

– Кому рыбы? – спросила тётка.

Геша поднял руку.

– Вот молодец, люблю, когда люди хорошо едят! – весело сказала повариха и шлёпнула на стол перед Гешей тарелку с порцией запечённой горбуши.

– Я тоже буду рыбу, – сказала Изуми.

²⁹ Здание было построено японцами после землетрясения 1994 года в качестве гуманитарной помощи как убежище на случай стихийных бедствий, на входе есть надпись: «Дом российско-японской дружбы», поэтому в народе его именуют просто Домом дружбы. Используется в качестве недорогой гостиницы.

– Вот молодец, – и её похвалила тётка и, убежав за стойку, вернулась с большим блюдом, на котором горкой лежали исходящие паром куски.

Ашот, всё ещё мрачный, хлебал борщ, но было видно, что поварихино усердие им отмечено как вполне удовлетворительное.

В столовую вошла Айна с папкой в руках.

– Приятного аппетита. Пока обедаем, я расскажу о дальнейшей программе. Сегодня ночуем здесь, в Доме дружбы. В четыре часа посетим краеведческий музей, а потом у вас будет свободное время, можно побродить по посёлку. Спать рекомендую лечь пораньше, потому что выезжаем ещё до рассвета. У пятого моста³⁰ нас подхватит МТЛБ³¹, недолго погуляем возле Чёртова пальца, и дальше – движение без остановок до нашей базы на ручье Большева. Планируется прогулка на мыс Геммерлинга, но коррективы может внести погода. Ночёвка там же, на базе. Утром выдвигаемся к Тятинской комендатуре³². Восхождение на вулкан – на следующий день, опять же при условии нормальной погоды. Вторую неделю проведём на менее сложных маршрутах: кальдера вулкана Головнина, мыс Столбчатый и центральная часть острова. Вот, примерно так. Лишние вещи можно положить в коробки, которые вам дадут, и оставить в Доме дружбы. Ах да! – мобильные телефоны тоже можно оставить, всё равно связи практически нигде, кроме райцентра, нет³³.

– Что значит МТЛБ? – тихо спросил у Ашота Геша.

– Вездеход на гусеничном ходу, – ответил за Ашота Виталик.

– О! – восхитился Геша.

– Ты что, в армии не служил? – вяло поинтересовался у него Костик.

– Не-а, у меня плоскостопие.

– Дефективный, значит...

Геша возмущённо посмотрел на Костика, но промолчал.

Ровно в четыре часа Виталик привёл их ко входу в подвал трехэтажного дома. Видавшая виды вывеска гласила: «Краеведческий музей». Большой округлый камень стоял на бетонном пьедестале рядом с дверью, патина времени и лишайники покрывали бока валуна. Грубо высеченное на нём лицо равнодушно смотрело на туристов из-под полуприкрытых век, ноздреватая поверхность делала лицо рябым, а линии неровными, отчего изгиб губ казался капризным.

– Что это? – спросил Костик.

– Вулканическая бомба, а на ней вроде как изображение воина, если верить археологам. Этаким курильский сфинкс, – ответил Виталик.

– Мне кажется, лицо женское, – сказал Сергей Семёнович и задумчиво провёл пальцами по пухлым каменным губам. – А глаза с восточным разрезом.

– Трудно сказать, местные тоже считают, что лицо женское, – ответил Виталик. – Бытует легенда, что таких каменных баб на острове было три, они составляли магический треугольник

³⁰ Вплоть до 1994 года через реку Серебрянку, делившую Южно-Курильск на две части – верхнюю (расположенную на сопке Длинной) и нижнюю (тянувшуюся вдоль самой реки и по берегу Южно-Курильской бухты) – были перекинута пять мостов. Первый был в устье, второй – частью улицы «3-е Сентября», через третий от самой длинной лестницы, некогда начинавшейся у парка аттракционов, можно было пройти к исполкому, четвёртый вёл от бани к сетеповивочному цеху рыбколхоза, а пятый, самый дальний, был на выезде из посёлка и вёл к стадиону и конторе геологоразведочной партии. Остались только первый и пятый.

³¹ Многоцелевой транспортёр (тягач) лёгкий бронированный.

³² Единственное здание (каркасно-засыпной дом), оставшееся от поселка Тятино, до сих пор стоит на морской террасе севернее реки Тятиной. Использовалось в разное время разными организациями. Теперь известно как Тятинский кордон.

³³ Уже во многих местах есть. Туристов часто удивляет, когда в районе мыса Столбчатый пользователям МТС на мобильный телефон приходит смс-сообщение: «Добро пожаловать в Японию».

и оберегали жителей острова от бед. В тот год, когда этот камень нашли и перевезли сюда, случилось сильное землетрясение³⁴. Половину посёлка сровняло с землёй³⁵.

– Много людей погибло? – спросил Сергей Семёнович.

– Без жертв обошлось. Но многие уехали с перепугу.

Когда Геша, входивший последним, ступил на бетонную ступеньку, железная дверь с лязгом закрылась за его спиной. Темнота подвала обступила их, лишь тусклый свет струился снизу из дверного проёма, ведущего налево. Пахло плесенью.

– Подождите, ступеньки покатые, упасть можно, – сказал Виталик. – Тут где-то выключатель...

Раздался щелчок, вспыхнули лампы, и темнота ускользнула за спину высокой седоволосой женщины. Смотрительница музея воззрилась на них без улыбки, и Ашот отпрянул назад, едва не сбив с ног Изуми.

– Добро пожаловать, – в голосе женщины скрипнули дверные петли. – Проходите. Здесь у нас зал дикой природы.

Они шагнули в небольшое помещение, где стены пестрели фотографиями каких-то людей, растений, листьями гербария.

– Вот фото Николая Дроздова, он приезжал однажды к нам на остров, – женщина показала на чёрно-белый снимок. – Ельцин, кстати, здесь тоже был, и многие другие известные люди.

Ашот покосился на чучела птиц, которые явно потеряли первоначальный вид – кое-где перьев на них почти не осталось и проглядывали тонкие птичьи кости. Гипсовый слепок гигантского следа медведя стоял у стены. Изуми приложила маленькую руку к отпечатку лапы, едва закрыв его на четверть. Костик положил свою руку поверх, и след медведя стал казаться не таким уж и большим, на две трети закрытый растопыренными пальцами Иваницкого.

– Смотрите, объёмный макет Кунашира из папье-маше, – позвал Виталик. – В этой точке мы сейчас. А вот тут, на севере, Большева и Тятя, а кальдера Головнина в противоположной стороне, на юге. Сами видите, какой маленький остров.

– Так мы его за день можем посмотреть, что тут две недели-то делать?! – воскликнул Ашот.

– Это вряд ли, – возразил Виталик. – Остров практически непроходим: низменности заболочены, а чуть выше поднимешься – сплошной бамбук. Здесь передвигаются только по периметру, вдоль берега. А дорога всего одна, вот она, километров пятьдесят длиной.

– Зато, наверное, тут у всех удочки из бамбука? – спросил Сергей Семёнович.

– Из этого бамбука удочку не сделаешь, стебли слишком тонкие. Растет сплошняком, зараза, ни одни штаны не выдерживают, и обувь тоже – всё рвёт в клочья!

Сергей Семёнович удивлённо покачал головой.

– Прошу вас, – музейная женщина повела в воздухе рукой, приглашая в следующую комнату. – Здесь у нас выставочный зал. Эти картины изображают природу острова, они нарисованы в разное время художниками, которые сюда приезжали.

Ашот прошёлся вдоль ряда полотен в серо-коричневых тонах. На одном из них на фоне уже знакомого силуэта Менделеевского вулкана была изображена многоствольная берёза, похожая на спрута, на другой – ржавый остов выброшенного на берег корабля.

– А почему так мрачно? – спросил Ашот. – У вас что, совсем не бывает солнца?

³⁴ Речь о землетрясении 1994 года.

³⁵ На самом деле нижнюю часть посёлка снесли – у местных властей после землетрясения возникла идея организовать на Курилах работу вахтовым методом и выселить постоянных жителей. Поголовно всё население было выписано с занимаемой жилплощади. Но оказалось, что некуда выселять (Россия на массовый наплыв курильских беженцев не рассчитана), а сами курильчане выселяться не слишком-то и хотели, и не уехавших через год начали прописывать назад.

– Почему же, бывает, – обиделась музейная женщина. – Вот, например, картины нашей местной художницы, очень яркие.

Ашот с сомнением посмотрел на предложенное полотно. Ультрамариновое небо нависло над чёрным пепловым полем и выбеленными остовами деревьев, культы веток напоминали шипы.

– Это мёртвый лес, – поведала смотрительница. – Во время извержения вулкана Тятя его засыпало пеплом.

– А повеселее картинок нет? – спросил Ашот.

– Нет, – поджала губы музейная женщина и понизила голос до полушёпота, – вы обязательно ещё проникнетесь красотой наших туманных пейзажей и мёртвых рек.

– Похоже, здесь всё не дожило до нашего приезда, – фыркнул Ашот. – В каком смысле реки-то мёртвые?

– В буквальном, – рассердилась она. – В некоторых реках нет рыбы, потому что вода содержит много разных примесей, чаще серных или кислых. Помните, как в сказках: мёртвая вода, живая вода...

Приглушённый женский крик донёсся откуда-то из сумрачных лабиринтов музея-подвала. Все побежали на голос, а музейная женщина, презрительно сузив подведённые чёрным карандашом глаза, пошла за гостями, на выходе привычно выключив свет.

Изуми, зажмурив глаза, сидела на полу в историческом зале, молитвенно сложив руки, и что-то быстро-быстро шептала. Геша, успевший на крик первым, опустился перед ней на корточки и осторожно тронул за рукав. Изуми вздрогнула, её крошечные плечи совсем съжились.

– Оогума-сан... – позвал её Геша.

Миндалевидные глаза распахнулись, Непочуйко увидел своё отражение в тёмных зрачках. Японка поднялась и с достоинством удалилась, на ходу отряхивая пыль с колен. В коридоре её обступили подоспевшие Виталик и Сергей Семёнович с Ашотом, но Изуми, сказав, что всё в порядке, торопливо вышла на улицу.

Виталик вошёл в исторический зал и с подозрением посмотрел на Гешу, который щупал шкуру медведя.

– Что? – удивился такому вниманию Геша.

– Что – «что?» – вопросом на вопрос ответил Виталик.

– Я ничего не знаю, – сказал Геша. – Она молилась, когда я прибежал.

Виталик прищурился и мысленно сделал себе пометку: «Присмотреть за темпераментным хохлом».

Музейная женщина вкралась в зал, и Виталик вздрогнул, когда скрипучий голос сыпанул мурашек ему на затылок:

– Здесь вы можете видеть коренных жителей Курил – айнов, предметы их обихода и описания встреч с русскими первооткрывателями островов. Большинство этих предметов были собраны учителем, основавшим музей, и группой школьников, с которыми он ежегодно ходил в экспедиции по острову. Обратите внимание, что у айнов совсем не азиатские черты лица...

Ашот посмотрел на изображение бородатого мужика с острогой в руках.

– Недобрый у него взгляд, и тарашится, как живой. Будто я ему денег должен, – Ашот зажмурился и покрутил головой. Айн равнодушно вперился нарисованными зрачками в витрину с наконечниками стрел.

Костик задумчиво разглядывал орнамент на айнском халате.

– Слушай, Ашот, тебе это переплетение белых линий ничего не напоминает?

– Мне? А должно?

– У Айны на повязке что-то похожее. Интересно, зачем она её носит?

– Маркетинговый ход. Для таких, как ты, чтоб стояли и думали: «Вау! А в этом что-то есть...» Подожди, она ещё нам каждому по такой повязке продать попытается к отъезду.

– А тебе пять копеек жалко?

– А они мне с неба не падают. Деньги – это моё время, труд и нервы!

– Особенно нервы...

Когда, продолжая обмениваться колкостями, они вышли на улицу, Изуми сидела на бетонном поребрике и в упор, враждебно, рассматривала каменную бабу.

В Доме дружбы дежурная глянула на них без интереса поверх очков, спицы в её руках так и мелькали.

– А как у вас тут криминальная обстановка? – спросил Ашот.

– Да какая тут обстановка? У нас тихо, остров же...

– А наркотики есть?

– А как же... У нас всё есть: и наркотики, и проституция. Всё как у людей.

– А говорите, что тихо.

– Да кому тут шуметь? В девяностых – было дело, бузили. А теперь тихо. Водолазы вот часто пропадают, ну так они же нелегально работают. Грибники тоже иногда пропадают. Ну туристы ещё, даже целыми группами. Но это потому, что деньги экономят и местных проводников не берут. А в бамбуке по оврагам заплутаешь – не выберешься. Вроде рукой подать до побережья, а не выберешься. Ну и по пьяному делу поножовщина или стрельба случается, а то как же? Ещё, говорят, раньше, в советские времена, на Шикотане³⁶ моряки в женских общеклассных пропадали, правда, не насовсем. А так – нет, тихо у нас и ночью на улицах не страшно, хотя фонари часто не горят, на них солярки не хватает.

– Какой солярки? У вас же тут геотермальная станция!

– Э, мил человек, у кого-то, может, и станция, а у народа только дырка в кошельке. Обещали, что за отопление платить будем дешевле, да обманули. Столько денег в это дело вбухано, что солярки на двести лет вперед купить можно, а на сдачу новый посёлок построить. А вы бы шли спать, а то утром вас не добудишься, я-то знаю – всегда кто-нибудь к завтраку опоздает...

Костик после ужина расположился в столовой, сообразив себе диван из семи стульев, и защёлкал кнопками телевизионного пульта. Обнаружилось всего три канала: по одному шли новости, по другому – навязшее в зубах шоу, по третьему – очередной сериал про ментов. Иваницкий без особого интереса уставился в экран. От скуки он оглядывался на администраторскую, где битых два часа Виталик пытался дозвониться до каких-то знакомых, которым он привёз передачку с Сахалина от других знакомых. Так и не пробившись сквозь помехи на линии, Виталик оставил посылку дежурной, помахал Иваницкому и отправился на боковую. Костик посидел ещё с час и, устав зевать, тоже ушёл в номер.

Ашот, несколько возбуждённый разговором с дежурной, принял из её рук рюмку коньяка для успокоения нервов. Тепло попрощавшись с дамой, столь хорошо понимающей нужды простого туриста, Алмазян откочевал в свой четырёхместный «люкс». Около полуночи он, мучимый невесть откуда взявшейся бессонницей, лежал на кровати, изучая движение теней на потолке. Блывающий свет фонаря пробивался сквозь жалюзи, тонкий вой ветра действовал на нервы. «Да, – думал Ашот, – дёрнуло меня переться на эти Курилы. Лучше б на Тенерифе».

В тишине коридора скрипнул пол. Ашот насторожился. Звук тихих шагов замер возле его номера, кто-то пытался осторожно повернуть дверную ручку. Ашот сел в кровати и громко спросил:

³⁶ Самый крупный остров Малой Курильской гряды.

– Кто там?!

– Э... – сказали из-за двери. – Я это, Геша. Надо бы выпить за успешный тур...

Изуми после ужина никто не видел, но её кроссовки показывали оттопыренные язычки из обувного шкафа в вестибюле.

Сергей Семёнович долго блуждал в тумане по Южно-Курильску, стремясь получить как можно больше впечатлений. Наткнувшись на забетонированный участок дороги, он решил, что находится где-то в центре, и скоро обнаружил красивую, но немного мрачную из-за почерневших брёвен церковь³⁷. Напротив приткнулись друг к другу магазинчики. Обойдя церковь, Сергей Семёнович проследовал по бетонному тротуару, потом – по неухоженной грунтовой дороге и, с опаской, мимо заброшенного пемзоблочного здания, откуда слышались возбуждённые голоса подростков. Шум моря усилился, и турист сошёл с дороги на узкую тропку. Петляя серпантином по крутому склону, тропка вывела его на каменистый берег. Сергей Семёнович послушал, как с шипением разбиваются о камни океанские волны, набрал в карман мелких ракушек и вернулся в Дом дружбы.

Он степенно выпил чаю, налив кипятка из мудрёного электрического агрегата под названием «поттер», посмотрел десятичасовые новости вместе с Костиком, а уходя в номер, подарил дежурной занятую гвоздику, сорванную у маяка. Розовые цветки гвоздики были рваными, будто кто провёл когтями по каждому лепестку.

Около полуночи Сергей Семёнович вышел из душевой в тренировочных штанах и белой майке с мокрым полотенцем на плече. Он зашёл в свой номер, аккуратно свернул покрывало, повесил треники на спинку стула и забрался под одеяло. Ортопедический матрас принял грузное тело, лицо туриста расслабилось, блаженная улыбка расплылась по губам, и Сергей Семёнович закрыл глаза.

Ещё в юности, когда брат-пограничник вернулся из армии, а служил он на острове Зелёный³⁸, Сергей Семёнович пообещал себе, что однажды тоже встанет босыми ногами на чёрный песок³⁹, перемешанный с пеплом и кусками вулканической пемзы. Брат умер давно, но друзья его на Сахалине остались. Когда Сергей Семёнович позвонил, сын братухиною сослуживца Виталик как раз набирал очередную тургруппу, и вот уже Сергей Семёнович дышит солёным курильским ветром.

Белое, будто алебастровое, лицо с нарисованными бровями наклонилось над ним. Широкий рукав красного кимоно лёг на светлый пододеяльник. Сергей Семёнович вздохнул шумно и перевернулся на другой бок. Тонкая рука вынула заколку из замысловатой причёски, и длинная прядь тёмных волос упала на плечо Сергею Семёновичу. Он беспokoйно перевернулся ещё раз. Рукав кимоно, опускаясь, задел спинку стула, прошуршав, как шуршит бамбук, если быстро бежать по тропе, цепляя лапами его тонкие листья. Сергей Семёнович неохотно разлепил ресницы. Женщина с алебастровым лицом, наклонившись, смотрела ему прямо в глаза. Маленькие красные губы были так близко к щеке пожилого туриста, что кожей должно было ощущаться её тихое дыхание. Но оно не ощущалось. Нежная прохладная рука тронула Сергея Семёновича за подбородок, чуть отвернув от себя его голову. «Какой дивный экзотический сон», – подумал тучный мужчина из Мытищ и даже не вздрогнул, когда два тонких лезвия вошли ему в шею.

³⁷ Деревянный храм в Южно-Курильске был построен в мутные 90-е годы прошлого столетия на федеральные деньги, по документам проходил как кинотеатр. Простоял 12 лет и был снесён после визита на остров президента Д. Медведева в 2011 году. На его месте к концу 2012 года поставили новый, бетонный, с отделкой под «белокаменный».

³⁸ Второй по величине остров Малой Курильской гряды.

³⁹ Песок на Кунашире содержит титано-магнетитовую руду, имеет выраженный чёрный цвет. Дети развлекаются, бросая в песок магнит, который, притянув руду, становится мохнатым.

Глава 2

– Готовы? – Айна появилась, когда они завтракали. – Через пятнадцать минут машина подъедет.

– Сергей Семёнович что-то заспался, – сказал Виталик.

– А ты тут для красоты? – Айна сердито посмотрела на проводника. – Давай топай за ним, а то и кофейку не успеет глотнуть.

Виталик дошёл до четвёртого⁴⁰ номера и постучал. Из-за двери не доносилось ни звука. Ким проверил душевую и на всякий случай туалеты – везде было пусто. Виталик постучал к Сергею Семёновичу ещё раз, приложил к двери ухо, прислушиваясь, хмыкнул и вернулся в холл.

– Странно, но его вроде нигде нет. Гуляет что ли?

– Может, что-то случилось? – тихо спросила Изуми, ни на кого не глядя.

– Ой, ну что тут может случиться? – сказала дежурная, отложила спицы, взяла связку ключей и пошла по коридору к номерам. Было слышно, как звякнула связка и ключ вошёл в замочную скважину. Скрипнула, открываясь, дверь, и голос дежурной негромко позвал:

– Сергей Семёнович, просыпайтесь, завтрак уже проспали. Сергей Семёнович... Ой!..

– Инфаркт, – сказал врач «Скорой помощи».

– А пятнышки крови на подушке? – с сомнением спросил следователь.

– Побрился неудачно, – ответил врач. – Вон у него на шее два пореза.

Туристы толпились в холле с растерянными лицами. Айна вышла из номера вслед за врачом и скомандовала:

– Грузимся. И так уже задержались. Программу придётся слегка изменить, поэтому восхождение на Тятю откладывается. Мало ли, вдруг следователю что-то понадобится...

– Успешный тур, – мрачно сказал Ашот.

– Что? – обернулась к нему Айна, но Ашот, не отозвавшись, наклонился обуть ботинки.

Микроавтобус резво катился по грунтовке уже сорок минут. Всё это время Айна вещала, как радио:

– Мы с вами движемся по единственной дороге на острове. Её длина всего около пятидесяти километров. Посмотрите налево, вы видите здание аэропорта, оно вам уже знакомо. Прямо перед нами, вон там, возвышенность – это вулкан Головнина. А теперь дорога спускается на Серноводскую низменность, справа находится самое большое озеро – Песчаное. Его сейчас не видно из-за тумана. А за этим холмом – японское кладбище. Полагаю, вы заметили, что ельники здесь почти чёрные и песок на пляжах тоже, – Кунашир не зря переводится с айнского как «чёрная земля».

– Где тут заметишь? В тумане все ёлки серы, – пробурчал Ашот себе под нос.

– Ваш багаж в кальдере привезут на квадроциклах, так что пойдём налегке, – Айна будто не слышала. – Разместимся на кордоне лесной пожарной службы. Будьте внимательны, осторожны и никуда не ходите в одиночку, особенно на фумарольные поля.

– Чувствую себя как Генри Баскервиль по прибытии в родовое гнездо: туда ходи, сюда не ходи – снег башка попадёт, – съязвил Ашот уже громче.

– Снег в башку – это ж вроде из «Джентльменов удачи», – поправил его Геша.

– Важна суть, а не детали, – возразил Ашот.

⁴⁰ У японцев цифра четыре символизирует смерть.

Автобус остановился неожиданно – на бугре, в таком месте, в котором, на первый взгляд, и идти-то было некуда. Но, выбравшись из пропылённого салона, туристы обнаружили, что аж две старые, полузаросшие бамбуком дороги расходятся в разные стороны: одна ведёт к побережью, другая – наверх, по водоразделу. По второй они и направились.

Ашот шагал впереди, иногда нетерпеливо оглядываясь на щёлкающего фотоаппаратом Гешу. Фотограф прихрамывал, поэтому всем пришлось подстроиться под скорость его хода. Никто, кроме Ашота, не огорчился: дорога прогулочная, виды открываются необычные – знай зевай по сторонам! Да и Ашот, каждому ясно, ворчит для порядка, подчиняясь собственной привычке руководить всем на свете.

Глинистая почва вначале скользила под башмаками, но выше совсем сухая дорога вилась плоской лентой по гребню горы. Вата тумана облепила подножие, протянувшись до самого горизонта, и вулкан Менделеева, мимо которого они проехали чуть больше часа назад, выглядел островом в туманном море.

Дорога полезла вверх, и стало ясно, что даже большой машине по ней не проехать – огромный камень показал бок, выбираясь из земли, а рядом с ним уже образовалась глубокая промоина.

– Вот же чёртов камень! – ткнула в него пальцем Айна. – Раньше здесь спокойно проходили легковушки.

– Все-то у вас тут чёртово: чёртовы пальцы, чёртовы камни, – заметил Ашот.

– А что вы хотите? Кунашир – это же четыре действующих вулкана, соединённых перевалами. Где пекло, там и черти, – пошутила Айна.

Кальдера распахнулась перед ними вдруг. На доньшке огромной чаши лежали два озера: малое под сопкой-конусом и большое – полукольцом вокруг этой сопки.

– Смотровая площадка, здесь передохнём, – объявила Айна и достала из рюкзака термос с кофе. – Видите в центре серое озерцо? Это и есть Кипящее. Старожилы именуют его Понто⁴¹. А большое называется Горячим, но оно на самом деле холодное.

– Там, за кальдерой, что – море? – поинтересовался Геша.

– Пролив. А вон те горы – уже Япония.

– Как близко!

Крутые склоны кальдеры отражались в зеркальной глади Горячего озера. Геша бродил по низкорослому бамбуку и щёлкал кнопкой затвора, изгибаясь в немыслимых позах вокруг кустов кедрового стланика⁴² – зелёные шишки на фоне японских гор казались ему чем-то совершенно потрясающим.

Костик улёгся животом на коврик шикши⁴³, а Изуми присела рядом. Её мечтательный взгляд остановился на горах мыса Сиретоко⁴⁴, которые родственно голубели за проливом.

Ашот, глянув в обратную сторону, оценил подушку тумана, накрывшую всю тихоокеанскую сторону, и поднял вверх послунявленный палец:

– Ветер юго-восточный.

– На завтра плохой прогноз, – заметила Айна. – Если что, переждём на кордоне. В дождь из кальдеры транспорту не выбраться. Кофе кто-нибудь хочет?

Трескучий звук раздался откуда-то справа из зарослей, потом слева, и вот уже воздух наполнился сплошным нестихаемым звоном.

– Что это? – закрутил головой Ашот.

– Цикады, – равнодушно сказал Виталик. – Мухи такие большие.

⁴¹ «Понто» – маленькое озеро, «то» – большое озеро (айнск.).

⁴² Кедровый стланик, или стелющаяся сосна – низкорослый вечнозелёный хвойный кустарник.

⁴³ *Empetrum sibiricum* – шикша сибирская, водяника чёрная и пр. – стелющийся ягодный кустарничек, плоды – округлые чёрные ягоды. Считается, что шикша выводит из организма радионуклеиды, применяется для снятия отёков.

⁴⁴ Полуостров на севере Хоккайдо, на нём расположена горная цепь, которая хорошо просматривается с Кунашира.

Ашот брезгливо передёрнул плечами и наглухо застегнул куртку.

– Кусаются?

– Нет, – ответил Виталик. – Ты их даже не увидишь. Будут теперь орать, пока солнце не сядет.

– Хотите, расскажу, почему цикады трещат, когда солнце? – хитро посмотрела на них Айна.

– И почему? – Ашот скептически скривился.

– О! Эту историю я слышала от своей бабушки. Однажды божества, сидя на небе, услышали снизу странный шум, похожий на плач. Этот шум не прекращался ни днём, ни ночью. Божества жаловались друг другу на наставшую тяжёлую жизнь, они пробовали закрывать уши руками, но ничего не помогало. Они всматривались вниз сквозь облака, но только безбрежный океан был виден. И вот божество-великан показал на едва различимое пятнышко в океане.

– Взгляните, это же дом!

– А на крыше старушка! Она сидит там и плачет, – добавил божество-карлик.

Цунами, что пришло из океана, смыло деревню и всех её жителей, одна старушка осталась – успела забраться на крышу до того, как дом унесла гигантская волна. Дом, было ясно, вот-вот потонет, и старушка уже готовилась расстаться с жизнью, но божества не дали ей погибнуть в водах океана, забрав к себе на небо. Но и на небе женщина плакала и плакала. Божества собрались на совет.

– Может быть, она плачет, оттого что хочет вернуться в мир людей? – подумал вслух божество-великан.

– Возможно, она перестанет плакать, если мы превратим её в другое существо, – предположил божество-карлик.

И божества превратили старушку в цикаду.

– Летом ты сможешь жить на земле среди людей, – сказал божество-великан.

– А зимой будешь возвращаться к нам, на небо, – добавил божество-карлик.

Старушка, теперь уже цикада, последовала этому совету. Когда наступали холода, она возвращалась на небо к божествам, но при этом продолжала плакать. Божества уже не знали, что и делать. Тогда Айона – бог, который отвечает за земную жизнь, повелел старушке:

– Отныне ты будешь плакать только летом, в ясные дни, но в пасмурные дни и зимой ты плакать не должна.

С тех пор цикада кричит только в жаркие, солнечные дни лета⁴⁵.

– Значит, завтра эти мухи будут тише воды, – сделал вывод Ашот.

– Почему? – не понял Геша.

– Потому что завтра дождь по прогнозу!

– А мне не кажется, что это похоже на плач, – сказал Костик. – По-моему, наоборот, очень даже весело жужжат. Я вот только не понял, Айона – что за бог? Впервые слышу.

– Это айнская сказка и бог айнский, их мало кто знает, – ответила Айна.

Когда они спустились в кальдере, солнце поднялось совсем высоко и душный воздух обволакивал, как в парной⁴⁶, жарко давил на затылки. Цикады монотонно и громко звенели со всех сторон. Бамбуковые пустыри украшали редкие раскидистые гортензии, почти не дающие тени. Из бамбука, раздвигаемого на ходу коленями, взлетали потревоженные сонмы бабочек. Будто подстриженный частокол ельника равнялся верхушками. Понто булькало, в воздухе

⁴⁵ По айнской истории «Женщина-цикада» из книги Гизо Осами «Упекере реки Читосэ».

⁴⁶ На Кунашире, как правило, очень высокая влажность – 70–90 %.

висел навязчивый запах тухлых яиц⁴⁷. Большое озеро, бледно-бирюзовое у берега, показывало каждый камушек на дне, и только в месте впадения ручья, соединяющего Горячее и Кипящее, расплывалось мутное белёсое облако, насыщенное серой.

– Там купаются? – Иваницкий вытер тыльной стороной ладони взмокший лоб.

– Конечно, – и Айна вывела их заросшей колеёй на берег Горячего. Здесь, у воды, росло несколько чахлах берёз. Ашот свалился в тень на пахнувший серой песок и замер.

Геша деловито отдалился метров на десять, сделал вид, будто вокруг никого, и нагишом плюхнулся в озеро.

– Не заплывай далеко, – крикнула ему Айна, – тут дно резко уходит вниз! И воду ртом не хватай, без зубов останешься!

Геша нырнул, как дельфин, и, вынырнув, рассмеялся счастливо. Он махнул им рукой:

– Эй! Супер! Кто со мной?

Неторопливый Иваницкий развесил на ветке берёзы футболку и штаны, кинул носки на стланик – проветриваться. Нерешительно глянул на женщин, мельком – на Гешу, сверкающего ягодицами в удивительно прозрачной воде, и воздержался от немедленного вступления в нудистский клуб.

– Озеро-то на вид не слишком большое, сколько тут глубина? – спросил он.

– Шестьдесят метров. Это же кратер.

– Попробую не утонуть, – Костик пошёл в воду.

Айна оторвала взгляд от трусов, туго обтянувших его накачанный зад, и повернулась к Ашоту с Виталиком:

– А вы не желаете охолонуться?

– Нет, – сказал Ашот, не открывая глаз.

– Непременно, – заявил Виталик. Он решительно направился к озеру, поддёргнув плавки почти до подмышек. Острый камешек попал под ступню, и ноги Виталика, отказавшись опираться на колкий предмет, подломились в коленках, испортив всю парадность момента. Вернув себе равновесие, он уже не так бодро маршировал по берегу.

Геша с Костиком шумно плавали в голубой воде, мощно загребая руками, фыркая и крича: «О! Ого-го! Ага! Га-а!» Виталику же вода показалась настолько холодной, что он даже привстал на цыпочки, будто пытаясь выбраться. Потом, насмелившись, дважды окунулся с головой, по-детски зажав пальцами нос, и выскочил на берег, стуча зубами:

– Холодновато, я вам скажу.

– Я так и думал, – поджал губы Ашот. – Не хватало простудиться.

Цикады яростно зазвенели вокруг.

Изуми вдруг сбросила с ног ботинки и зашла в озеро прямо в одежде. Непочуйко уставился на неё, а Костик, стесняясь проявлять к происходящему пристальное внимание, нырнул в молочно-голубую глубину.

⁴⁷ Запах сероводорода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.